
УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ
И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

© 2022 г. Е. Н. Карабанова

Университет прокуратуры Российской Федерации, г. Москва

E-mail: karabanova.agprf@gmail.com

Поступила в редакцию 14.12.2021 г.

Аннотация. Несмотря на многолетнее обсуждение учеными и практиками, вопрос об уголовной ответственности несовершеннолетних остается актуальным. В уголовном законодательстве советского периода особенности уголовной ответственности несовершеннолетних регулировались не самостоятельным институтом, а отдельными нормами различных институтов уголовного права (главы о преступлении, о наказании, о назначении наказания и об освобождении от наказания, о принудительных мерах медицинского и воспитательного характера). С принятием в 1996 г. Уголовного кодекса РФ регламентация уголовной ответственности несовершеннолетних изменилась как по форме, так и по содержанию, что привело к появлению в уголовно-правовой доктрине острых дискуссий, касающихся обоснованности тех или иных законодательных решений. Не прекратились они и по сей день. В статье исследуется эффективность мер уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних преступников, доказываются необходимость снижения возраста уголовной ответственности за некоторые виды преступлений, а также необходимость расширения применения к несовершеннолетним уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы.

Ключевые слова: уголовная ответственность несовершеннолетних, возраст уголовной ответственности, назначение наказания, исполнение наказания, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, принудительные меры воспитательного воздействия, эффективность мер уголовно-правового воздействия, ювенальная юстиция, специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Цитирование: Карабанова Е. Н. Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних // Государство и право. 2022. № 10. С. 100–107.

DOI: 10.31857/S102694520022615-7

PROBLEMS OF JUVENILE CRIMINAL LIABILITY

© 2022 Е. N. Karabanova

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow;

E-mail: karabanova.agprf@gmail.com

Received 14.12.2021

Abstract. Despite many years of discussion by scientists and practitioners, the issue of juvenile criminal liability remains relevant. In the criminal legislation of the Soviet period, the peculiarities of the criminal responsibility of minors were regulated not by an independent institution, but by separate norms of various institutions of Criminal Law (chapters on crime, on punishment, on sentencing and on release from punishment, on compulsory medical and educational measures). With the adoption in 1996 of the Criminal Code of the Russian Federation, the regulation of juvenile criminal liability changed both in form and in content, which led to the appearance in the criminal law doctrine of heated discussions concerning the validity of certain legislative decisions. They have not stopped to this day. The article examines the effectiveness of measures of criminal law impact on juvenile criminals, proves the need to reduce the age of criminal responsibility for certain types of crimes, as well as the need to expand the application of criminal penalties not related to imprisonment to adolescents.

Key words: juvenile criminal liability, age of criminal responsibility, sentencing, execution of punishment, exemption from criminal liability, release from punishment, compulsory educational measures, the effectiveness of measures of criminal law, juvenile justice, a special educational institution of a closed type.

For citation: Karabanova, E.N. (2022). Problems of juvenile criminal liability // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 100–107.

Проблемы привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности традиционно были связаны с такими уголовно-правовыми институтами, как субъект преступления, назначение наказания и принудительных мер воспитательного воздействия, освобождение от уголовной ответственности и наказания.

В уголовном законодательстве советского периода нормы, регулирующие особенности ответственности несовершеннолетних, были «разбросаны» по Общей части без какого-либо группирования. С принятием в 1996 г. Уголовного кодекса РФ окончательно оформился институт уголовной ответственности несовершеннолетних (разд. V), подробно урегулировавший названные правоотношения. В дальнейшем проблемы, возникавшие в правоприменении, разрешались законодателем посредством уточнения уголовно-правовых норм. Так, в 2003 г. появились более подробные правила назначения несовершеннолетним лишения свободы, установлена продолжительность срока принудительных мер воспитательного воздействия. Большую роль в решении проблем привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности сыграли разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, посредством которых в 2011 г. была, наконец, приведена к единообразию практика применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних¹.

Вместе с тем в доктрине уголовного права по-прежнему нет однозначного ответа на фундаментальный вопрос — вопрос о возрасте, с которого должна наступать уголовная ответственность. Ведь одним из условий последней является достижение лицом, совершившим общественно опасное деяние, установленного законом возраста, с которого оно может считаться субъектом преступления. Опыт зарубежных стран демонстрирует различные подходы к определению этого возраста. Его границы варьируются в зависимости от исторических и культурных традиций конкретного государства от 7 до 16 лет, при этом применяется дифференцированный подход к установлению возраста уголовной ответственности.

В российском уголовном законе минимальный возраст уголовно-правовой деликтоспособности составляет 14 лет, при этом возраст уголовной ответственности дифференцирован: по общему правилу она наступает с 16 лет, но за некоторые преступления — с 14 лет (ст. 20 УК РФ). Между тем возрастная дифференциация уголовной ответственности по составам преступлений де-юре не получила своего закрепления. В доктрине уголовного права она сформулирована как обеспечение привлечения к уголовной ответственности лишь тех лиц, которые по уровню своего психического развития в состоянии осознать недопустимость

совершения конкретного общественно опасного деяния под страхом уголовного наказания².

Однако одним лишь этим положением трудно объяснить выборку законодателя по установлению возрастных признаков субъекта в различных составах преступления. В частности, вызывает вопрос, почему за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, а также сотрудника правоохранительного органа, либо их близких (ст. 295, 317 УК РФ) уголовная ответственность наступает с 16 лет, а за убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом любой иной служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ) — с 14 лет.

Такой подход законодателя ориентирует на то, что в основу дифференциации возраста уголовной ответственности помимо возможности осознания несовершеннолетним недопустимости совершения конкретного общественно опасного деяния положено также некое другое положение, о котором можно судить, изучив как саму дифференциацию (ст. 20 УК РФ), так и санкции уголовно-правовых норм, а также правила квалификации преступлений.

Совокупный анализ этих нормативных положений показывает, что законодатель явно руководствуется принципом гуманизма и экономит уголовно-правовую репрессию. Так, очевидно, что несовершеннолетнему в возрасте от 14 до 16 лет понятен общественно опасный характер посягательства на жизнь сотрудника полиции с целью воспрепятствования его деятельности по охране общественного порядка. И он несет уголовную ответственность за такое посягательство. Однако в силу ст. 20 УК РФ оно квалифицируется не по ст. 317, а по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, диспозиция которой имеет более общую формулировку о связи убийства с осуществлением потерпевшим служебной деятельности. Логично, что осознание последнего факта невозможно без осознания характера служебной деятельности, в нашем примере — это охрана общественного порядка.

Тем не менее законодатель игнорирует этот факт в интересах несовершеннолетнего, поскольку ответственность за особо квалифицированные виды убийств (ст. 277, 295, 317 УК РФ) намного строже в силу того, что покушение на убийство (а именно такой исход посягательства наиболее вероятен в случае с несовершеннолетним правонарушителем) наказывается в несколько раз жестче, чем покушение на убийство, пусть даже совершенное при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК РФ). Дело в том, что покушение на убийство специального потерпевшего образует оконченное преступление, за которое установлено наказание от 12 до 20 лет лишения свободы, пожизненное лишение свободы или смертная казнь. А покушение на убийство с отягчающими обстоятельствами наказывается

¹ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Росс. газ. 2011. 1 февр.

² См.: Хромова Н.М. Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних // Журнал рос. права. 2018. № 4. С. 96–109.

лишением свободы от 2 месяцев до 15 лет. Даже с учетом применения правил назначения наказания несовершеннолетним разница в наказуемости этих деяний остается существенной.

Сходная проблема возникает при привлечении несовершеннолетних к уголовной ответственности за совершение и других сложных насильственных преступлений. Так, применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) уголовно наказуемо с 16 лет. Если такое насилие применялось лицом в возрасте от 14 до 16 лет, содеянное квалифицируется как преступление против здоровья, совершенное в связи с осуществлением лицом служебной деятельности. Кроме того, при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью совокупность ст. 111 и 318 УК РФ в отличие от взрослого субъекта преступления несовершеннолетнему осужденному, совершившему преступление до 16 лет, не вменяется, а квалификация осуществляется только по ч. 2–4 ст. 111 УК РФ.

Исключение законодателем сделано лишь для двух сложных насильственных составов преступлений в силу их террористической направленности. С 2016 г. за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК РФ), возраст уголовной ответственности был снижен с 16 до 14 лет.

В отличие от Уголовного кодекса РФ по Уголовному кодексу РСФСР 1960 г.³ ответственность за привилегированные виды убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (при превышении пределов необходимой обороны, в состоянии аффекта), причинение смерти по неосторожности, мошенничество, хищение предметов, имеющих особую ценность, наступала не с 16, а с 14 лет (ст. 10). Не делал скидок Уголовный кодекс РСФСР и на отставание несовершеннолетнего в психическом развитии, если оно не было связано с психическим расстройством, в отличие от Уголовного кодекса РФ, в котором данное обстоятельство исключает уголовную ответственность несовершеннолетнего (ч. 3 ст. 20). Само понятие «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством» впервые появилось в правовом поле с принятием Уголовного кодекса РФ в 1996 г.⁴ К слову, в современной цивилистике мы наблюдаем обратную тенденцию: произошло снижение с 15 до 14 лет нижнего порога ограниченной дееспособности несовершеннолетних, появился институт эмансипации (ст. 26, 27 ГК РФ), что связано с трудовой и предпринимательской деятельностью несовершеннолетних.⁵

Что это – отсутствие в советском уголовном праве принципа гуманизма или различная оценка способности несовершеннолетнего осознавать общественную опасность тех или иных преступлений?

Первое исключено, поскольку принцип гуманизма, хотя и не был законодательно закреплен в уголовном законе, но в те годы уже реально действовал применительно

к детям, о чем свидетельствует системный анализ норм об уголовной ответственности несовершеннолетних. Получается, что законодатель Российской Федерации пересмотрел взгляды на способность несовершеннолетних воспринимать характер своих общественно опасных деяний.

Иными словами, мы на законодательном уровне признали, что нынешний несовершеннолетний в возрасте от 14 до 16 лет в отличие от своего советского сверстника не может, обороняясь, сопоставить вред причиненный и вред предотвращенный, не может оценить последствия своих действий в состоянии сильного душевного волнения (аффекта), не может (а точнее, не обязан!) прогнозировать вероятность наступления смерти человека, осуществляя те или иные неосторожные действия, и совершенно не способен понять свой собственный обман. Налицо процесс инфантилизации подрастающего поколения, зафиксированный в уголовном законе.

Но ведь есть и обратная связь, когда уголовно-правовыми средствами стимулируется правопослушное поведение. Нельзя недооценивать превентивное значение уголовного закона. Осознание возможности понести ответственность хорошо профилирует безответственное поведение несовершеннолетних. Это актуально, например, в вопросе установления ответственности за причинение смерти по неосторожности. Достигнув 14-летнего возраста, психически здоровый несовершеннолетний должен понимать опасность некоторых своих действий, понимать, что игры и шалости, когда они, допустим, на воде или на высоте, далеко не всегда безобидны и могут привести к смерти. Как правило, в результате таких «развлечений» гибнут сверстники, а обусловленная возрастом безнаказанность виновных только способствует укоренению в их сознании и сознании других несовершеннолетних безответственной модели поведения, что крайне опасно на фоне культа эгоизма и эгоцентризма в подростковой среде.

Этот эффект уголовного закона по аналогии с общей и частной превенцией можно было бы назвать «общим и частным попустительством». Он, безусловно, негативно отражается на становлении личности несовершеннолетних, ведь «именно в подростковом возрасте происходит формирование личности, ее приоритетов и ценностей»⁶. Между тем проблема становления правосознания и правового поведения несовершеннолетних рассматривается как одна из насущных в период кризиса современной цивилизации⁷.

Несомненно, центральным вопросом института уголовной ответственности несовершеннолетних является возрастная градация признаков субъекта преступления. Для его решения необходимо четко определить правила дифференциации возраста уголовной ответственности, которые должны обеспечить баланс интересов несовершеннолетнего, совершившего общественно опасное деяние, и потребностей общества, которое заинтересовано в восстановлении социальной справедливости,

³ См.: Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 430, ст. 591.

⁴ См.: Шишков С.Н., Полубинская С.В. Специальная неюридическая терминология в УК РФ: трудности и проблемы // Судья. 2017. № 8. С. 49–53.

⁵ См.: Ярошенко К.Б. Гражданский кодекс и права гражданина: совершенствование законодательства // Журнал рос. права. 2012. № 5. С. 104–110.

⁶ Агамиров К.В. Теоретические, организационно-институциональные и нормативно-правовые аспекты предупреждения суицидального поведения несовершеннолетних // Росс. юстиция. 2019. № 8. С. 52–55.

⁷ См.: Дамаскин О.В., Красинский В.В. Криминологическая характеристика механизма вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность // Государство и право. 2020. № 8. С. 41–54.

исправлении виновного, осуществлении общей и частной превенции.

Другая важная задача — совершенствование механизма реализации уголовной ответственности несовершеннолетних.

Первой формой реализации уголовной ответственности несовершеннолетних является *назначение наказания, подлежащего отбыванию осужденным* (ст. 88 УК РФ). Вторая форма — *назначение наказания с освобождением от его отбывания* (условное осуждение (ст. 73, ч. 6² ст. 88 УК РФ), освобождение от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ), освобождение от отбывания наказания по истечении срока отсрочки отбывания наказания (ч. 3 ст. 82 УК РФ) и отсрочки отбывания наказания больным наркоманией (ч. 3 ст. 82¹ УК РФ), освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда (ст. 83, 94 УК РФ) и амнистия (ст. 84 УК РФ). Третьей формой реализации уголовной ответственности выступает *осуждение лица без назначения наказания* (при освобождении от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80¹ УК РФ), а также освобождении от наказания несовершеннолетних (ст. 92 УК РФ)⁸.

Следует отметить, что применяемые к несовершеннолетним правонарушителям принудительные меры воспитательного воздействия имеют двойственную правовую природу: они могут применяться не только в качестве вида освобождения от наказания (ст. 92 УК РФ), но и в качестве вида освобождения от уголовной ответственности (ст. 90 УК РФ).

В первом случае уголовная ответственность реализуется в форме осуждения без назначения наказания. Применение принудительных мер воспитательного воздействия в качестве освобождения от уголовной ответственности означает отказ государства от ее реализации. Однако освобождение от уголовной ответственности с применением указанных мер носит условный характер. В случае систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия эта мера по представлению специализированного государственного органа отменяется и материалы направляются для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности (ч. 4 ст. 90 УК РФ), лицу выносится приговор, что является реализацией уголовной ответственности.

Ранее в юридической литературе отмечалось, что в деятельности судов и других правоохранительных органов в отношении несовершеннолетних имел место «карательный уклон», при этом основными элементами карательной модели назывались: «суровость наказания несовершеннолетних; длительность сроков лишения свободы; узость установленного законодателем правового пространства применения альтернативы наказанию (например, принудительные меры воспитательного воздействия); ограниченные возможности использования элементов восстановительной модели правосудия (например, института примирения)⁹».

⁸ См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части: учеб. / отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М., 2017.

⁹ Забрянский Г.И. Несовершеннолетние: преступность и противодействие (тезисы) // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 4; Николаева Ю.В. Перспективы совершенствования правовой защиты прав несовершеннолетних в России // Адвокат. 2011. № 7. С. 43–51.

Если обратиться к данным судебной статистики, то становится очевидным, что в вопросах уголовной ответственности несовершеннолетних-правоприменительная практика следует принципу гуманизма. Так, общее число лиц, в отношении которых уголовные дела прекращены судом по нереабилитирующим обстоятельствам, и общее число осужденных соотносится как 3:10. Применительно же к лицам, совершившим преступление в несовершеннолетнем возрасте, это соотношение составляет совсем иную пропорцию — 7:10¹⁰ (при этом свыше 70% этих лиц осуждены в несовершеннолетнем возрасте)¹¹.

Отметим, что среди несовершеннолетних, совершивших повторное преступление, соотношение ранее освобожденных от уголовной ответственности и ранее осуждавшихся составило 1:10¹². Означает ли это, что привлечение к уголовной ответственности не выполняет свою задачу по частной превенции? Вовсе нет. Во-первых, как уже было указано, от уголовной ответственности освобождается в 1.5 раза меньше несовершеннолетних, чем осуждается. Во-вторых, от уголовной ответственности в основном освобождаются несовершеннолетние, совершившие впервые преступление небольшой или средней тяжести, положительно характеризующиеся, из хороших семей, так называемые «ситуативные преступники». В случае с ними вероятность повторной преступной деятельности изначально невысока. В-третьих, к реальному лишению свободы приговариваются лишь 13% несовершеннолетних, что исключает существенность пресловутого влияния криминальной среды уголовно-исполнительной системы на приведенное выше соотношение. *Сказанное свидетельствует об отсутствии объективной необходимости в законодательном расширении возможностей освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности.*

Тем не менее нельзя игнорировать тот факт, что 19% несовершеннолетних на момент совершения повторно-го преступления имели не снятую или непогашенную судимость. Много это или мало? С одной стороны, не так много, по сравнению с общим показателем по всем категориям осужденных, который составил 39%¹³. С другой — мы говорим о несовершеннолетних, которые за кратковременный период (максимум четыре года) своей непродолжительной еще жизни совершили два и более преступления.

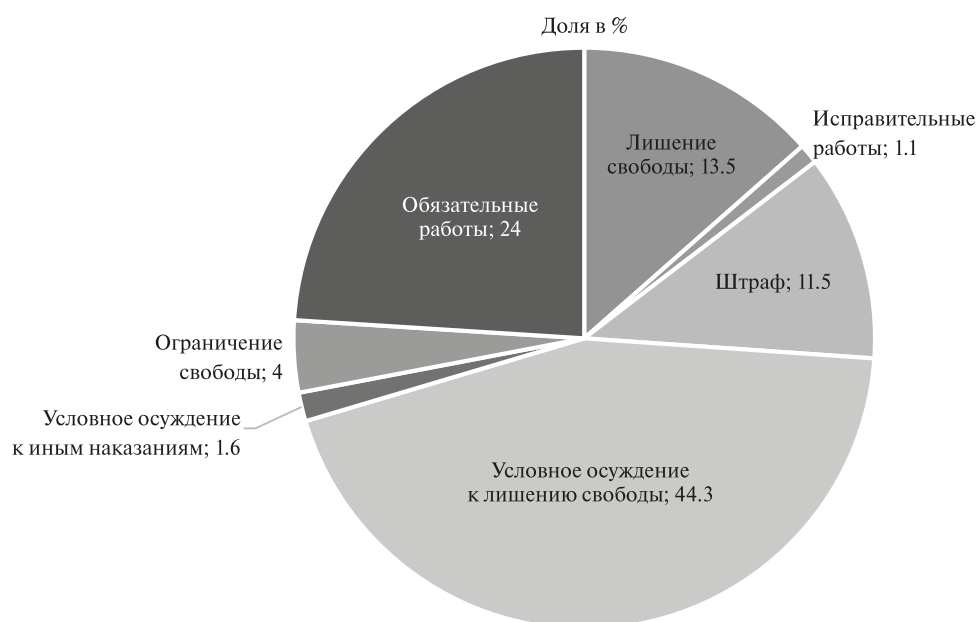
Для анализа этой ситуации обратимся к проблеме назначения несовершеннолетним уголовного наказания. Как известно, к данной категории осужденных применяются не все виды наказаний, а лишь: а) штраф; б) лишение права заниматься определенной деятельностью; в) обязательные работы; г) исправительные работы; д) ограничение свободы; е) лишение свободы на определенный срок (ч. 1 ст. 88 УК РФ).

¹⁰ См.: Форма № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» за 2018–2020 годы. URL: <http://www.cdep.ru>

¹¹ Форма № 12 «Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте» за 2018–2020 годы. URL: <http://www.cdep.ru>

¹² См.: там же.

¹³ См.: Форма № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» за 2018–2020 годы. URL: <http://www.cdep.ru>

Судебная статистика показывает следующее соотношение видов основного наказания, назначаемого несовершеннолетним.

Как видно из приведенных данных, около 46%, т.е. почти половина несовершеннолетних осуждены условно. Это прямое проявление гуманизма, поскольку доля условно осужденных среди осужденных всех возрастов не превышает 30%. В итоге с учетом числа лиц, освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям и от наказания, можно сформулировать вывод о том, что реально отбывает наказание не более одной трети несовершеннолетних, совершивших преступление. Это обстоятельство подтверждает то, что *в современных реалиях уголовному наказанию отводится фактически второстепенная роль в механизме реализации уголовной ответственности несовершеннолетних, уступая место иным мерам уголовно-правового воздействия.*

Между тем такая расстановка акцентов представляется не совсем верной. В общественном сознании связь преступления и наказания выступает традиционной парадигмой общественных отношений, разрыв которой снижает эффективность уголовно-правового регулирования. Известны случаи, когда несовершеннолетние, ведомые чувством безнаказанности, не намерены прекращать свою преступную деятельность, несмотря на принимаемые государством меры воспитательного воздействия и постановку на профилактический учет. Полагаем, что уголовное наказание должно применяться к несовершеннолетним гораздо шире, чем оно применяется ныне. Речь идет именно не об ужесточении наказания, а *о повышении уровня его неотвратимости*, что гораздо важнее для целей исправления несовершеннолетнего правонарушителя.

Любое наказание должно назначаться несовершеннолетнему с учетом характера и степени общественной опасности преступления, в том числе обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, а также влияния назначенного наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи, с учетом условий жизни и воспитания

несовершеннолетнего, уровня его психического развития, иных особенностей личности, а также влияния на него старших по возрасту лиц (ст. 60, 89 УК РФ).

Безусловно, лишение свободы — это крайняя мера, которая должна применяться к несовершеннолетним в исключительных случаях, например, за совершение особо тяжкого преступления или за совершение преступления при наличии таких отягчающих обстоятельств, как особо активная роль в совершении преступления; совершение преступления в отношении беременной женщины, малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица; с особой жестокостью, садизмом, издевательствами, мучениями для пострадавшего. Эти обстоятельства, не только свидетельствуют о проблемах личности несовершеннолетнего, но и требуют особого подхода при восстановлении социальной справедливости, исправлении виновного, осуществлении общей и частной превенции посредством применения наказания, чтобы оно достигло своей цели (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Вместе с тем влияние одних и тех же обстоятельств на степень отягчения наказания взрослых и несовершеннолетних должна различаться, что связано с психологическими особенностями несовершеннолетних. Например, они больше, чем взрослые, склонны к групповой форме преступной деятельности; больше подвержены влиянию экстремистских побуждений; в меньшей степени способны предвидеть наступление тяжких последствий в результате совершения преступления или оценить особую опасность совершения преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, в условиях вооруженного конфликта или военных действий. Этот факт должен учитываться при определении строгости назначаемого наказания.

Если оценивать повторность совершения преступления несовершеннолетними, отбывшими разные виды наказания, то мы увидим, что в 2020 г. из 14 703 лиц, осужденных за совершение преступления в возрасте до 18 лет, 540 ранее осуждались к реальному лишению свободы, 5 — к иным видам наказания и 661 человек по предыдущему приговору

был осужден условно¹⁴. Если сопоставить с данными приведенной выше диаграммы, самый высокий частнопредупредительный потенциал с огромным перевесом оказывается у наказаний, не связанных с лишением свободы, на втором месте идет условное осуждение и на третьем месте — реальное лишение свободы. Таким образом, *перспективным с точки зрения достижения целей уголовного наказания представляется реальное отбывание наказания, несвязанного с лишением свободы*. В этой связи мы поддерживаем предложение о необходимости пересмотра положений ч. 6² ст. 88 УК РФ о допустимости повторного назначения условного осуждения несовершеннолетнему при совершении нового преступления в течение испытательного срока¹⁵. Наше исследование показывает, что при обстоятельствах, указанных в данной норме, целесообразно назначение наказания, не связанного с лишением свободы, а не условное осуждение.

В сфере ювенального судопроизводства «лидером» среди таких наказаний выступают обязательные работы. И это правильно, поскольку общественно полезный труд — это важнейшее средство исправления осужденного (ст. 9 УИК РФ). При разумном (с учетом возраста и вовлеченности несовершеннолетнего в учебную или трудовую деятельность¹⁶) определении продолжительности исполнения обязательных работ в течение дня достижение поставленных законодателем целей уголовного наказания становится реально возможным.

Весьма эффективным с позиции исправления можно признать назначение исправительных работ, поскольку помимо трудовой составляющей им присущи возможность честного заработка, а также лишение части заработанных денег, удерживаемых в доход государства, что обеспечивает необходимый карательный потенциал этого вида наказания. Однако несовершеннолетним осужденным исправительные работы назначаются редко — всего в 1% случаев. Дело в том, что исправительные работы назначаются, как правило, осужденным, имеющим основное место работы, что почти не встречается среди несовершеннолетних. Назначение исправительных работ лицу, не имеющему основного места работы, тоже возможно, но это осложняется, во-первых, невостребованностью детского труда, во-вторых, тем, что срок наказания составляет от двух месяцев до одного года, и его исполнение будет препятствовать получению несовершеннолетним образования.

Для тех несовершеннолетних, кто уже имеет основное общее образование и не посещает образовательное учреждение, такого рода «принудительное трудоустройство» является эффективной мерой уголовно-правового воздействия. Однако государством должно поощряться получение несовершеннолетними образования. Поэтому в целях исправления осужденного и расширения возможностей назначения исправительных работ было бы целесообразно на законодательном уровне урегулировать вопрос о получении

несовершеннолетними, отбывающими данный вид наказания, образования, поскольку оно тоже относится к основным средствам исправления (ст. 9 УИК РФ). Необходимо установить гибкую систему мер, позволяющих несовершеннолетним, осужденным к исправительным работам, освоить образовательную программу (предоставление академического отпуска на период отбывания наказания и т.д.).

Достаточно спорной является оценка эффективности взыскания с несовершеннолетнего штрафа. Он назначается как при наличии у осужденного самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание, так и при отсутствии таковых. В последнем случае штраф может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия, что и происходит в большинстве случаев, поскольку осужденный не работает. Достигает ли такое наказание своей цели, если уплата штрафа фактически возложена на семью? Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, какие нравственные ценности и материальные возможности имеются в данной конкретной семье. Штраф несовершеннолетнему назначается в размере от 1000 до 500 000 руб. Для нуждающейся многодетной семьи такая сумма может оказаться неподъемной, и это повергнет несовершеннолетнего в стыд. В случае с богатой семьей штраф, сопоставимый с суммой «карманных» денег или со стоимостью новых кроссовок, вряд ли окажет должное исправительное воздействие на несовершеннолетнего. Данный вид наказания назначается 11,5% осужденных несовершеннолетних, и объективной необходимости в расширении его применения нет.

Специфической особенностью уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних является возможность применения к ним принудительных мер воспитательного воздействия, в том числе помещение в учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, которые при обоснованном назначении и надлежащем исполнении могут выступать в качестве эффективных средств предупреждения преступности несовершеннолетних.

Несовершеннолетним назначаются следующие принудительные меры воспитательного воздействия: а) предупреждение; б) передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; в) возложение обязанности загладить причиненный вред; г) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

Очевидно, что первые две меры не рассчитаны на перевоспитание трудных подростков, не имея ограничительного характера, они скорее представляют собой разъяснительную работу, проводимую среди несовершеннолетних и родителей, а также иных лиц, на которых возложена обязанность по воспитанию несовершеннолетнего. Исполнение этих мер не зависит от воли несовершеннолетнего, вследствие чего они фактически не могут быть отменены с привлечением несовершеннолетнего к уголовной ответственности.

Возложение обязанности загладить причиненный преступлением вред — это, по сути, гражданско-правовая ответственность, которую несет любое лицо, совершившее преступление. Однако заслуживает поддержки решение законодателя о придании этой мере статуса принудительной меры воспитательного воздействия, что позволило связать невозмещение вреда, причиненного преступлением, с возможностью привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности. Такой подход обеспечивает не только воспитательное воздействие на несовершеннолетнего,

¹⁴ См.: Форма № 12 «Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте» за 2020 год. URL: <http://www.cdep.ru>

¹⁵ См.: Сантатов А.Л. Теоретические основы дифференциации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2019. С. 13.

¹⁶ См.: Карханина Л.В. Теория и практика исполнения уголовных наказаний без изоляции от общества в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2021. С. 11, 12.

но и соблюдение интересов потерпевшего от преступления. Вместе с тем не стоит переоценивать эффективность данной меры с точки зрения исправления несовершеннолетнего. Ввиду того, что заглаживание вреда, как правило, носит денежный характер, а несовершеннолетние в основном не имеют заработка, фактическое исполнение этой обязанности ложится на семью либо и вовсе игнорируется. Результативность такого заглаживания вреда для воспитательных целей, равно как и уплаты штрафа родителями, индивидуальна.

Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего могут предусматривать запрет посещения определенных мест, использования определенных форм досуга, в том числе связанных с управлением механическим транспортным средством, ограничение пребывания вне дома после определенного времени суток, выезда в другие местности без разрешения специализированного государственного органа. Несовершеннолетнему может быть предъявлено также требование возвратиться в образовательную организацию либо трудоустроиться с помощью специализированного государственного органа. Приведенный перечень не является исчерпывающим и в зависимости от конкретных особенностей личности несовершеннолетнего, а также совершенного им преступления, может дополняться судом по своему усмотрению.

Эти ограничительные меры качественно отличаются от предыдущих принудительных мер воспитательного воздействия, поскольку сочетают в себе элементы кары и непосредственно профилактики преступлений. Так, лишение возможности управлять механическим транспортным средством предупреждает дорожно-транспортные правонарушения, ограничение пребывания вне дома физически снижает степень безнадзорности несовершеннолетнего и возможности совершения новых преступлений и т.д. Проблема заключается лишь в реальности соблюдения всех этих ограничений. Систематическое безнаказанное нарушение несовершеннолетним установленных судом правил поведения имеет только обратный эффект, укореняет в его сознании паттерны безнаказанности нарушения любых норм и неуважения к государству и обществу.

В качестве принудительной меры воспитательного воздействия законодатель рассматривает помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (далее — СУВУЗТ). Оно может назначаться при освобождении от наказания за совершение преступления средней тяжести или тяжкого преступления в целях исправления несовершеннолетнего, нуждающегося в особых условиях воспитания, обучения и требующего специального педагогического подхода (ч. 2 ст. 92 УК РФ). Эта воспитательная мера подходит несовершеннолетним из неблагополучных семей, поскольку она обеспечивает единственную возможность государства, освободив несовершеннолетнего от наказания, поместить его под надзор. Однако эффективность данной меры, к сожалению, недостаточно высока.

Так, отчет за 2020 г. об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, свидетельствует о том, что из них 218 человек ранее уже направлялись в СУВУЗТ. Для сравнения: 540 осужденным несовершеннолетним ранее назначалось реальное лишение свободы. Эти показатели необходимо оценивать с учетом того, что реальное лишение свободы отбывают в пять раз больше несовершеннолетних, чем помещаются

в СУВУЗТ¹⁷. Очевидно, что по частнопревентивным возможностям СУВУЗТ уступают воспитательным колониям. Исходя из тех же статистических данных, можно заключить, что при освобождении от наказания частнопревентивный потенциал помещения в СУВУЗТ чуть ниже, чем у принудительных мер воспитательного воздействия, указанных в ст. 90 УК РФ, поскольку частота их назначения находится в соотношении 4:10, а повторность преступлений у лиц, освобожденных от наказания с назначением помещения в СУВУЗТ и принудительных мер воспитательного воздействия, составляет пропорцию 5:10. Это обстоятельство должно учитываться при индивидуализации уголовной ответственности несовершеннолетних. Кстати, недостаточно высокая профилактическая эффективность применения принудительных мер воспитательного воздействия при освобождении от наказания является дополнительным аргументом в пользу позиции о том, что низкие показатели повторной преступности у несовершеннолетних, освобожденных от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия, обусловлены в большей мере особенностями их личности, а не предупредительными функциями указанных мер.

* * *

В результате проведенного нами исследования заключаем, что большинство вопросов совершенствования уголовно-правовых средств предупреждения преступности несовершеннолетних лежит в плоскости правоприменения. Следует отметить высокий уровень диспозитивности норм, регламентирующих уголовную ответственность несовершеннолетних, оставляющих на судебское усмотрение широкий круг вопросов. Поэтому на первый план выходит индивидуализация применения наказания и иных мер уголовно-правового характера. При ее осуществлении необходимо учитывать реальную эффективность тех или иных уголовно-правовых средств предупреждения преступности несовершеннолетних в каждом конкретном случае.

При привлечении несовершеннолетних к уголовной ответственности эффективным с точки зрения их исправления выступает реальное отбывание наказания, не связанного с лишением свободы, затем по убыванию эффективности следуют условное осуждение к лишению свободы, реальное лишение свободы, привлечение к уголовной ответственности с освобождением от наказания и применением принудительных мер воспитательного воздействия или помещением в СУВУЗТ. Сравнивать частнопревентивную эффективность привлечения к уголовной ответственности и освобождения от нее некорректно ввиду существенной разницы в личности несовершеннолетнего преступника, подвергнутого этим мерам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агамиров К. В. Теоретические, организационно-институциональные и нормативно-правовые аспекты предупреждения суицидального поведения несовершеннолетних // Росс. юстиция. 2019. № 8. С. 52–55.

¹⁷ См.: Форма № 12 «Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте» за 2020 год. URL: <http://www.cdep.ru>

2. *Дамаскин О.В., Красинский В.В.* Криминологическая характеристика механизма вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность // Государство и право. 2020. № 8. С. 41–54.
3. *Забрянский Г.И.* Несовершеннолетние: преступность и противодействие (тезисы) // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 4.
4. *Карханина Л.В.* Теория и практика исполнения уголовных наказаний без изоляции от общества в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2021. С. 11, 12.
5. *Николаева Ю.В.* Перспективы совершенствования правовой защиты прав несовершеннолетних в России // Адвокат. 2011. № 7. С. 43–51.
6. *Санташов А.Л.* Теоретические основы дифференциации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2019. С. 13.
7. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учеб. / отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М., 2017.
8. *Хромова Н.М.* Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних // Журнал росс. права. 2018. № 4. С. 96–109.
9. *Шишков С.Н., Полубинская С.В.* Специальная неюридическая терминология в УК РФ: трудности и проблемы // Судья. 2017. № 8. С. 49–53.
10. *Ярошенко К.Б.* Гражданский кодекс и права гражданина: совершенствование законодательства // Журнал росс. права. 2012. № 5. С. 104–110.

REFERENCES

1. *Agamirov K. V.* Theoretical, organizational, institutional and regulatory aspects of the prevention of suicidal behavior of minors // Russ. justice. 2019. No. 8. P. 52–55 (in Russ.).
2. *Damaskin O. V., Krasinsky V. V.* Criminological characteristics of the mechanism of involving minors in illegal activities // State and Law. 2020. No. 8. P. 41–54 (in Russ.).
3. *Zabriansky G. I.* Minors: crime and counteraction (theses) // Issues of juvenile justice. 2006. No. 4 (in Russ.).
4. *Karkhanina L. V.* Theory and practice of execution of criminal punishments without isolation from society in relation to minors: abstract ... PhD in Law. Ryazan, 2021. P. 11, 12 (in Russ.).
5. *Nikolaeva Yu. V.* Prospects for improving the legal protection of the rights of minors in Russia // Lawyer. 2011. No. 7. P. 43–51 (in Russ.).
6. *Santashov A. L.* Theoretical foundations of differentiation and individualization of responsibility of minors in Criminal and Penal Enforcement Law: abstract ... Doctor of Law. Kazan, 2019. P. 13 (in Russ.).
7. Criminal Law of Russia. General and Special parts: studies / res. ed. Yu. V. Gracheva, A. I. Chuchaev. M., 2017 (in Russ.).
8. *Khromova N. M.* Age of criminal responsibility of minors // Journal of Russ. law. 2018. No. 4. P. 96–109 (in Russ.).
9. *Shishkov S. N., Polubinskaya S. V.* Special non-legal terminology in the Criminal Code of the Russian Federation: difficulties and problems // Judge. 2017. No. 8. P. 49–53 (in Russ.).
10. *Yaroshenko K. B.* The Civil Code and the rights of a citizen: improving legislation // Journal of Russ. law. 2012. No. 5. P. 104–110 (in Russ.).

Сведения об авторе

КАРАБАНОВА Елена Николаевна — доктор юридических наук, заведующая отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере уголовно-правового регулирования, исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации; 123022 г. Москва, 2-я Звенигородская ул., д. 15

Authors' information

KARABANOVA Elena N. — Doctor of Law, Head of the Department for Scientific Support of Prosecutor's Supervision and Strengthening the Law in the Sphere of Criminal Law Regulation, Execution of Criminal Sentences and Other Measures of a Criminal Law Nature of the Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; 15, 2nd Zvenigorodskaya str., 123022 Moscow, Russia